

Районный тур Всероссийской олимпиады по краеведению

для учащихся 9-11 классов

Большие краеведческие чтения

Государственное бюджетное образовательное учреждение средняя
образовательная школа № 125 Красногвардейского района

Наш край в годы блокады глазами художника

(по мемуарам народного художника России Григория Ястребенецкого)

Выполнила:

Солодовникова Елена

Ученица 9 класса

125 школы

Руководитель:

педагог дополнительного образования

Голованова Ирина Федоровна

Санкт-Петербург

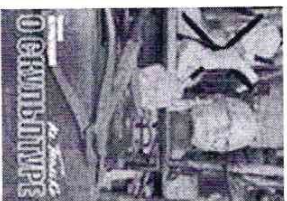
2013

Содержание

I. Введение.	3
Глава 1. Переживание блокады художником Григорием Ястребенецким	4
 	5
1. 1. В начале была Ржевка	
1.2. Избранные эпизоды блокадного прошлого	6
1.3. Память о войне в произведениях скульптора	9
III. Заключение.	11
Использованные источники и литература	13
Приложение	14

В свободное время художник пишет
автобиографические книги
Они положены в основу работы

Группа распространения
Сто Абсолют
Мир изобретения
СТИХОВ

Сологубовском
крупнейшем в Европе кладбище
солдат вермахта (там
захоронены останки 27 тысяч
солдат, а предполагается
захоронение 120 тысяч со всего
Севера - Запада и даже России).

В два поминования здесь
соборная жилая деревня
Лезье - они не скрывают, что
подкармливаются на
поминальных обедах.
Единодушно замерзшие,
слегка согретые глинтвейном,
водкой и гуляшом, на обратном
пути всю дорогу мы пели песни
на русском и немецком языках.
Самая маленькая участница
поездки - девятилетняя Ася
впервые в жизни увидела два
кладбища бывших врагов. Она
выразила свои чувства, спев две
песни: грустную про потери и
веселую про жизнь.
А шестнадцатилетний Костя,

углубленно изучающий
немецкий язык подметил, что
слово "мир" (FRIEDEN) и
"кладбище" (FRIEDHOF) в
немецком языке однокоренные.
"Жаль, если мир возможен
только там", - резюмировал он.

акция

уры и
екта
перия
в разных

м, вот он
второму
стройке
мис
он передал?

ны писку черепашки
т быть дорога сердцу
жизни?
нашли "Исаакиевский
миссо фотографий, где
именение спецэффектов,
ских впечатления. Похоже,
рессонанс.

и карандаш рисую от руки
вас, иногда использую
не бумажных деталей на
плоскости. Тяжелее всего,
- это не монтаж
а поймать момент,
за тебя все скажет, ведь
миг уникален. Пусть
будет такая же погода,
же время освещение
го-либо еще будет
вно иным, и дело
насмарку.

чем Вы планируете
работу в ближайшее

а бы продолжить работу
рно-белым сборником
Г". Кое-что из него уже
ь. Вообще, с каждым
приходится работать по-
Например, "Исаакия"
было часами ждать, сидя
м месте, "Коломну" -
кропотливо обходя
дворов...

Дорогие друзья!

В связи с 10-летием Центра Встреч в Санкт-Петербурге
мы проводим акцию

"Питер, привет!"

Цель акции - собрать наших бывших посетителей, переселившихся
в Германию за последние 10 лет, наладить утраченные связи,
найти старых друзей, завести новых.

Мы будем рады Вашим письмам. Как Вам живется?

Мы ждем Ваших приветов.

С любовью и уважением,

Ваш Русско-Немецкий Центр Встреч
при Петрикирхе Санкт-Петербурга.

Невский проспект 22-24
Tel. 007+812/318 40 96
email: zentrum@drb.sp.ru
<http://drb.org.ru>

СОПРОТИВЛЯЮЩИЙСЯ УЗНИК В Гамбурге...Но не в Сологубовке.

Пресс-секретарь Центра немецкой культуры и примирения Ларисы Кноль
Ирина Голованова

Скульптор, народный художник
России, Григорий Ястребенецкий -
Почетный член Центра немецкой
культуры и примирения. Здесь
внимательно следят за его
творчеством. Сам художник
прошел всю войну как солдат. Под
Гамбургом в 1941 году похоронен
погибший в плену отец его жены -
Виктории. 16 сентября этого года
на кладбище Бергедорф (Гамбург)
был установлен памятник его
работы на месте захоронения 652
советских солдат, погибших в
войну в концлагере Нойгемеле.

Это - узник, пытающийся разорвать
оковы. Напряжение рук так велико,
что за спиной невольника дрожит
решетка. Такова Воля к
Сопровителению...Германский
народный союз по уходу за
воинскими захоронениями хотел бы
видеть копию сопротивляющегося
узника и на кладбище солдат
вермахта под Петербургом.
Однако художник считает, что
это место требует иного
памятного знака. Какого?.. Над
разработкой этого проекта он
работает в настоящее время.

Hat die Frau Mama lange
keine Post mehr
von Ihnen bekommen?

Lassen Sie sie nicht länger warten!

WESTPOST
Post & Kurier Dienst

Service-Center: (812) 275-07-84

Neuwerk Prospekt 86

В нашей школе есть музей «Старая Ржевка. Первые километры «Дороги жизни»». В витрине, посвященной экспозиции «Зеленый пояс Славы» - послевоенному мемориалу по линии блокадного кольца, хранятся некоторые материалы с фотографией известного петербургского художника Григория Даниловича Ястребенецкого, участника войны, проектировавшего несколько памятников «Зеленого пояса Славы» [Приложение 4,5].

Целью настоящей работы является знакомство с воспоминаниями о блокаде известного скульптора Григория Даниловича Ястребенецкого, человека высокой культуры. В нашу задачу входит знакомство с его автобиографическими книгами, известиями о нем в СМИ, беседы с ним лично, а также выявление его вклада в петербургскую и российскую культуру по теме блокадного прошлого нашего края.

Вот что сообщают о нем общеизвестные справочные источники:

Ястребенецкий Григорий Данилович, *Народный художник РСФСР, заслуженный деятель культуры Польши, член-корреспондент Российской академии художеств*. Родился 29 октября 1923 года в Баку. Отец — Ястребенецкий Даниил Александрович (1896 г. рожд.). Мать — Каблоцкая Людмила Давыдовна (1888 г. рожд.). Супруга — Шкарина Виктория Владимировна (1930 г. рожд.). Сын — Ястребенецкий Александр Григорьевич (1956 г. рожд.). Внуки: Данила (1979 г. рожд.), Арсений и Софья (2005 г. рожд.)

Служил рядовым в артиллерийских частях, дивизионе аэростатов артиллерийского наблюдения, отдельной роте связи. Принимал участие в боях под Ленинградом, Нарвой, Шлиссельбургом, на Карельском перешейке. Был ранен. Войну закончил в 1945 году в Восточной Пруссии, под Кенигсбергом, в звании старшины.

В 1951 году Г. Д. Ястребенецкий окончил скульптурный факультет Института имени И. Е. Репина Академии художеств СССР.

[1,с.308, 4, с.329]

Память о войне и блокаде стала главным вектором творчества народного художника России Григория Ястребенецкого. Кроме памятников на линии обороны Ленинграда им создано множество монументальных работ на эту тему в разных городах бывшего СССР и Европы. Известный за пределами России Ястребенецкий за долгую жизнь в искусстве создал огромное количество монументальных работ и скульптурных портретов, связанных с военной славой нашего города и памятью о тех, кто эту славу добывал. Мальчишкой он стал солдатом одной из самых страшных мировых войн, умирал от дистрофии в блокадном Ленинграде, но выжил и с боями дошел до Восточной Пруссии.

Сейчас, в свои 89 лет, скульптор продолжает работать, полон энергии и охотно общается с молодежью. За последние десять лет он написал пять книг о своей жизни, сведения из которых положены в основу данной работы. Материалом служат также сведения, почерпнутые из книг, журналов, средств массовой информации, справочников о народном художнике. Выходит в свет журнал «Нева» с последним рассказом Григория Даниловича. В работе использованы также элементы телефонных интервью с художником, когда приходилось уточнять некоторые детали.

Знакомясь с жизнью и творчеством Григория Даниловича мы с удивлением узнали, что его военная биография начиналась у нас, на Ржевке. А случилось это в его жизни так. Окончив сразу две школы – общеобразовательную и среднюю художественную при Академии художеств – молодой Григорий с товарищем уже в июне 1941-го пошел в военкомат, чтобы попасть на фронт добровольцем, но по возрасту не был взят. Однако уже через пару дней его вдруг вызвали на медкомиссию. «Так я стал солдатом, - пишет он. - 2 июля 1941 года получил повестку из военкомата. Медицинская комиссия находилась в здании 4-ой образцовой школы на Фонтанке. ... В большом помещении первого этажа толпились тощие

мальчишки в синих сатиновых трусах до колен и с грязными пятками. Врачи бегло осматривали будущих солдат и автоматически подписывались под словом «годен» [5, с. 7]. Молодых новобранцев собирались отправить в школу политсостава под Ельней, но в эту группу Григорий не попал, что спасло ему жизнь: два его товарища уже через 3 недели погибли там. Солдата Ястребенецкого отправили писарем на 75 артбазу, которая находилась на Ржевке [5, с.14] .

В беседе с художником удалось уточнить обстоятельства его нахождения на Ржевке: «Находился на этой базе со 2 июля недели две. Помню, что это была огороженная забором военная часть со складом для боеприпасов, ремонтным помещением. Туда постоянно подвозили снаряды, орудия, которые иногда ремонтировали. В мои обязанности входило подсчитывать, сколько орудий в какую часть отправляли. С математикой такого рода я справлялся не очень хорошо и часто ошибался. Моя квартира, где я жил с родителями, находилась на Невском проспекте, почти напротив того дома, где сейчас есть надпись, что при артобстреле эта сторона улицы опасна. От Ржевки я добирался туда на трамвае».

Цепкая юношеская память сохранила много любопытных подробностей двухнедельного периода пребывания на Ржевке: «Находясь на 75 артбазе под Ленинградом, я наблюдал удивительные вещи. Высоко в небе, в яркий солнечный день летел немецкий самолет, и было видно, как снаряды, выпущенные зенитными орудиями, медленно летят вверх, отсвечивая на солнце. По улицам шли нестройные шеренги ополченцев, а по радио, почти каждодневно, передавались сообщения Совинформбюро, которые начинались словами: «Сегодня наши войска оставили город...» [5, с.15]

В книге Григорий Данилович с чувством юмора вспоминает, как по неопытности и по молодости нарушал иногда субординацию, вел себя не по уставу: «Например, мог остановить во дворе начальника артбазы полковника Магуту и спросить: «Не скажите, как пройти в баню?» Обалдевший от такой

наглости полковник Магута несколько минут молчит, а потом все же показывает, где баня»[5, с.16].

Через две недели молодого солдата отправили с маршевой ротой на станцию Всеволожская, а оттуда – в учебный полк, где он получил военно-учетную специальность (ВУС) №13 – артиллерист-зенитчик. И опять выполнял обязанности писаря. Получив приказ от командира части переписать всю пехоту по 13^{-ти} специальностям, Ястребенецкий не стал торопиться, а обратил внимание, что 13-я специальность уже не пехотная, а артиллеристская. Тогда командир указал, чтобы переписал 12 ВУСов. Позже это спасло Григорию Даниловичу жизнь – он не попал в мясорубку первых пехотных атак.

Описывая блокадную жизнь Ленинграда с 8 сентября 1941 года, он замечает, что на улицах города заметно прибавилось народа. Видимо, это были беженцы, которым удалось бежать из своих домов до того как немцы захватили их населенный пункт.

«Я помню черный дым над горящими Бадаевскими складами, помню, как горел Гостиный двор... Мы тогда гасили зажигательные бомбы на крышах и верили, что все это не надолго. Но вышло иначе» [5, 10].

«Когда еще были силы ходить, я отправился с пакетом в другую часть. Транспорт уже встал, и по занесенному снегом Невскому едва передвигались закутанные люди. Не один-два, как показывают в фильмах про блокаду, а десятки везли саночки с умершими. В начале войны пару раз меня отпускали домой, и из окон нашей квартиры на Невском, 20, я видел, как из Эрмитажа на грузовиках вывозили в эвакуацию рулоны картин. А потом, когда на крыше Строгановского дворца разрывались снаряды, осколки летели в нашу квартиру, и все книги на стеллажах были пробиты и посечены этими осколками. Отец и мать к тому времени уже воевали». [Приложение 1].

В августе 1941 года Григорию удалось вырваться из части в город и сходить с матерью в Филармонию на исполнение Седьмой симфонии

Шостаковича оркестром под управлением Карла Ильича Элиасберга. Вот как он вспоминает об этом в книге «Нас осталось мало»: «Зал был заполнен на одну треть. Люди сидели в верхней одежде. ...Тускло горели две люстры, те, которые были ближе к оркестру. Мы с матерью были потрясены музыкой Шостаковича. Она удивительно совпадала с чувствами людей, которые жили в осажденном городе». Несмотря на воздушную тревогу и разрыв снарядов, оркестр играл до конца [5, с.25-26].

Голод менял сознание. Художник называет книжку Гамсуна с рассказом «Голод» «поразительно точным описанием состояния голодающего человека». Испытание голодом не передать словами – это надо пережить. Страшный голод не позволял сидеть на твердом стуле: кости буквально прорезали кожу. Солдаты настолько ослабели, что за скудным довольствием на всех по очереди отправлялся один из них. Каждому полагалось полкотелка крапивного супа и крошечная пайка хлеба. В декабре из черного он вдруг стал почти белым. Ректор Ботанического института за «разработку» этого хлеба из целлюлозы получил Сталинскую премию. «Однажды меня отправили получить на всех американский плиточный шоколад. По возвращении я услышал от сослуживцев: «А вот мы сейчас посчитаем, сколько кусочков не хватает...». И я понял: если бы число «не сошлось», меня бы попросту убили...» [Приложение 1]. Мало кто угощал ближнего в это время. Но нашему герою командир однажды подарил ириску из дуранды.

Художник вспоминает, как однажды его мать, жившая в холодной и темной квартире, застала там окоченевшую помощницу Катю, умершую от голода, и, с большим трудом, смогла на санках вывезти ее на кладбище. На это ушел целый день. С кладбища ослабевшую мать довели до дома на тех же саночках [5, с.27].

В конце декабря с дистрофией второй степени Григория отправили в эвакогоспиталь №11-70, который располагался в Александро-Невской Лавре, где он пролежал почти 2 месяца (до 20 февраля). Григорий Данилович

доносит до нас самые мрачные картины того времени. Больные, человек 20, лежали там не на кроватях, а прямо на носилках. Каждую ночь от голода умирали по 3-4 человека. Стоны раненых, лежащих среди трупов, не производили жуткого впечатления, стали привычными. Измученные от голода санитары сбрасывали окоченевшие трупы на грузовики, чтобы вывезти утром на кладбище. Неожиданно во время обхода, больной Гриша узнал во враче своего отца. Удивительно, что отец, очень любивший своего ребенка, ничем не мог облегчить его голодного состояния, не считая возможным в силу своего воспитания делать какое-либо исключение для сына. Только однажды перед выпиской, он принес полтарелки разваренного гороха, который скис к утру, и «отец, к моему ужасу, вылил ее в уборную», вспоминает художник [5,с.27]. «Не люблю вспоминать это тяжелое время. Близкие говорят, что я умею в жизни и творчестве «держаться удар». Думаю, это тоже одно из военных приобретений», - говорит он в «Петербургском дневнике» [Приложение 1].

Война научила скульптора-фронтовика многому:

- спать у костра зимой, свернувшись калачиком и спиной к огню, чтобы лучше сохранять тепло;
- пить неразбавленный спирт, запивая глотком воды или просто побросав немного снега в рот;
- не пригибаться к земле во время артобстрела;
- не спать сутками и не есть горячей пищи неделями;
- беспрекословно выполнять дурацкие, а иногда и невыполнимые приказы командира отделения;
- чистить зубы и умываться до пояса одной кружкой воды;
- не падать на землю, когда рядом неожиданно выстрелит зенитная пушка;
- не замерзать до смерти, стоя на часах, при тридцатиградусном морозе. Но самое главное, чему научила война, — это ненавидеть войну» [7,с.250].

Г. Д. Ястребенецкий награжден орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», немецким орденом «За заслуги перед Отечеством» (в серебре), Рыцарским Крестом ордена «За заслуги» Республики Польша, другими наградами СССР и иностранных государств. Отмечен золотой медалью имени Грекова.[1, с. 308]

«Самая первая моя композиция, созданная еще на первом курсе Академии художеств, куда я поступил после войны, называлась «Солдат, который отогревает котенка». Был такой реальный эпизод» - рассказывает скульптор. Он очень ценит и свою общественную работу, которой занимался всю сознательную жизнь.

С 1951 года он член Союза художников, неоднократно избирался членом правлений Союза художников СССР и РСФСР, членом президиума Ленинградской организации Союза художников, много лет был заместителем его председателя.

Г. Д. Ястребенецкий является автором памятников на линии обороны Ленинграда — памятника «Безымянная высота» на Ивановских порогах, мемориала в крепости «Орешек» в Шлиссельбургской крепости. Кроме памятников на линии обороны Ленинграда им создано множество монументальных работ на эту тему в разных городах бывшего СССР и Европы.

Памятники скульптора-фронтовика, посвященные войне, установлены в Пензе, Мурманске, Караганде, городах Вятские Поляны и Тара. Среди других монументальных работ Г. Д. Ястребенецкого — памятники Димитру Благоеву, Адаму Мицкевичу, Галине Старовойтовой в Санкт-Петербурге, Антону Рубинштейну в Петергофе, В. И. Ленину в Дрездене (Германия), канцлерам Аденауэру и Вилли Брандту в городе Гревенбройх (Германия), советским воинам, погибшим в концентрационном лагере под Гамбургом (Германия).

Героями произведений Г. Д. Ястребенецкого стали около 260 художников, артистов, писателей, композиторов, государственных и политических деятелей. Среди них Г. Гейне, Ю. Темирканов, Д. Гранин, А. Петров и многие другие. За годы творчества Григорий Данилович создал более 50 памятников, установленных в России, Германии, Узбекистане, Казахстане, около 30 мемориальных досок, более 60 надгробий. Г. Д. Ястребенецкий — автор мемориальных досок многим выдающимся деятелям прошлого и современности, в том числе в Санкт-Петербурге — Л. В. Собинову, Л. Н. Толстому, С. Ю. Витте, Д. С. Лихачеву, Л. О. Утесову, М. Дудину и другим.

Произведения скульптора находятся в 38 российских музеях: в Государственной Третьяковской галерее, в Русском музее, в собраниях Министерства культуры, Союза художников, Российской академии художеств, в музеях Бонна, Берлина, Дюссельдорфа, Дрездена, частных собраниях России, Германии, Великобритании, Финляндии, Швеции, США. Он — участник более 150 российских и международных выставок, в том числе в Германии, Венгрии, Чехословакии, Финляндии, Югославии, Бельгии, Голландии.

Особое место в последние 15 лет в его творчестве занимает тема примирения со вчерашним врагом. И это может показаться странным после ужасов войны и блокады, пришедшихся на его юность.

«И уж конечно, когда я воевал, - говорит Григорий Данилович, - то и представить себе не мог, что буду когда-нибудь делать памятники для Германии и обрету там столько друзей». Он описывает свою первую встречу с живыми немцами так: «День Победы застал нашу часть в Прибалтике. Не зная о конце войны, я с изумлением увидел, как на территорию части въехал фургон с немецкими номерами, из него выскочили два симпатичных немца в синих комбинезонах, которые знаками стали спрашивать, где можно набрать воды. Я им показал по карте дорогу, а потом испугался, не разгласил ли я военную тайну». В 2003 году Григорий

Данилович выполнил памятник «Сопrotивляющийся узник» на кладбище советских военнопленных в Бергедорфе под Гамбургом, а после – «Памяти погибших» - на кладбище служащих вермахта под Петербургом, в Сологубовке [Приложения 2,7] – это абсолютно разные памятники, потому что советские солдаты, погибшие в Германии пришли туда вынужденно, а на нашей земле находились захватчики. И все же скульптор считает необходимым дружбу наших народов сегодня.

Для нашего музея очень важно, что Григорий Данилович создатель Зеленого пояса Славы, о котором есть отдельный рассказ в нашей музейной экспозиции. Там хранится интервью нашего историка, организатора музея Николая Анатольевича Мартынова с известным художником [Приложение 6-7]. Сегодня скульптора беспокоит варварское отношение современников к памятникам Зеленого пояса. Они нуждаются в нашей заботе.

В настоящее время Григорий Данилович член Градостроительного совета Санкт-Петербурга и городского Художественного совета, руководитель Творческой мастерской скульптуры Российской академии художеств в Санкт-Петербурге.

Его последние работы – это скульптурные портреты вице-президента Академии наук Некипелова и философа Степина для галереи почетных докторов в Университете культуры. А сейчас он готовит трехчастную композицию с условным названием «Война и плен» для академической выставки, которая по традиции каждый год проходит в Москве. Когда работа вернется в город, ее увидят петербуржцы. Помимо основного пристрастия в жизни — художественного творчества Григорий Данилович увлекается музыкой, литературой, любит путешествовать. С интересом следит за спортивными событиями, любимые виды спорта: футбол, бокс, волейбол.

В свободное время Григорий Данилович пишет автобиографические книги (см. использованную литературу), часть которых использована в работе. Из них становится понятно, что народный художник еще и интересный писатель, воплотивший в себя почти век культуры и памяти. «А

сейчас пишу нечто вроде исповеди старого скульптора – еще не знаю, что из этого выйдет» - делится он с читателями «Петербургского дневника» [Приложение 1] .

Известный далеко за пределами России петербургский скульптор за долгую жизнь в искусстве создал огромное количество монументальных работ и скульптурных портретов, связанных с военной славой нашего города и памятью о тех, кто эту славу добывал. «К счастью, тяжелые впечатления блокады и войны меня не ожесточили. Родные и знакомые находят мой характер вполне сносным. Видимо, этому способствует любимая работа, которая остается главной жизненной потребностью» - считает он сам.

В канун девяностолетия он сохраняет благородство петербургского интеллигента, являя собой «особый тип горожанина, легко отличимый, но постепенно исчезающий», – как написал о нем в своей книге замечательный художник и друг Виктор Цигаль [10, с.4].

Связь поколений очень значима для Григория Даниловича, свои книги он посвящает внукам. К нему в мастерскую часто приходят школьники, и он охотно делится с ними воспоминаниями.

Литература:

1. «Кто есть кто» в Санкт-Петербурге 97 / СПб.: Лениздат, 1997
2. Григорий Ястребенецкий /в журнале «Очень» №8(54), май 2008, с.8-17
3. Если бы не Дворец/ст. Г.Д.Ястребенецкого в сб. Дворец двадцать первого века № 46, ГДТЮ, 2012, с.161-162.
4. Мы помним... Художники, искусствоведы Великой Отечественной 1941-1945гг./Гл.ред. Ю.И.Нехорошев, М.2000. – 332с.
5. Нас осталось мало, Санкт-Петербург. Издательство Левша. Санкт-Петербург. 2011
6. Ястребенецкий Г.Д. Дом на Песочной / в журнале «Нева», № 12, с138-170
7. Ястребенецкий Г.Д.Дом для художников, Санкт-Петербург, 2003.
8. Ястребенецкий Г.Д.Интервью автора с самим собой. «Левша», СПб, 2006.
9. Ястребенецкий Г.Д.О войне, или последняя буква алфавита/в журнале «Нева», раздел «Седьмая тетрадь», с. 247-261
10. Ястребенецкий Г.Д.Не только о скульптуре, «Левша» СПб, 2008.

Приложение 1.

Интервью с газетой «Петербургский дневник» 25 января 2013

«Петербургский дневник»: Григорий Данилович, как возникла в вашем творчестве военная тема?

Григорий Ястребенецкий: С тех пор как я еще трехлетним стал рисовать войну на тетрадных листках в клеточку, хотя где я ее мог тогда видеть? И никак не предполагал, что тема войны станет сквозной в моей жизни.

«Петербургский дневник»: Вы ведь пошли на фронт, не дождавшись совершеннолетия?

Григорий Ястребенецкий: Окончив сразу две школы – общеобразовательную и среднюю художественную при Академии художеств – я с моим товарищем уже в июне 1941-го пошел в военкомат, чтобы попасть на фронт добровольцем, но по возрасту нас не взяли. Однако уже через пару дней меня вдруг вызвали на медкомиссию, так я стал солдатом. Нас собирались отправить в школу политсостава под Ельней, но в эту группу я не вошел, что спасло мне жизнь: два моих товарища уже через 3 недели погибли там. В составе запасного минометного полка я провел в Ленинграде самые страшные блокадные месяцы. Не люблю вспоминать это тяжелое время. Мы страшно голодали, из-за худобы я даже не мог сидеть на твердом стуле: кости буквально прорезали кожу. Не передать словами, что мы испытали – это надо пережить. По странному совпадению мне в ту пору попалась книжка Гамсуна с рассказом «Голод» с поразительно точным описанием состояния голодающего человека.

«Петербургский дневник»: Что из того периода особенно врезалось в память?

Григорий Ястребенецкий: Мы настолько ослабели, что за скудным довольствием на всех по очереди отправлялся один из нас. Каждому полагалось полкотелка крапивного супа и крошечная пайка хлеба. Кстати, в декабре из черного он вдруг стал почти белым: кажется, потом ректор Ботанического института за «разработку» этого хлеба из целлюлозы получил Сталинскую премию. Голод менял сознание. Однажды меня отправили получить на всех американский плиточный шоколад. По возвращении я услышал от сослуживцев: «А вот мы сейчас посчитаем, сколько кусочков не хватает..». И я понял: если бы число «не сошлось», меня бы попросту убили...

В конце декабря с дистрофией второй степени меня отправили в эвакогоспиталь, который располагался в лавре. Больные лежали там не на кроватях, а прямо на носилках. Каждую ночь от голода умирали по 2-3 человека. Потом к пайку прибавили одну галету: может, она меня и спасла. После госпиталя я попал в 8-й дивизион аэростатов артиллерийского наблюдения, с которым дошел до Восточной Пруссии.

По дороге меня ранило под Нарвой. Вот такая невеселая у меня была юность. Я до сих пор так и не научился танцевать: молодость пришлось на войну.

«Петербургский дневник»: А каким запомнился блокадный Ленинград?

Григорий Ястребенецкий: Когда еще были силы ходить, я отправился с пакетом в другую часть. Транспорт уже встал, и по занесенному снегом Невскому едва передвигались закутанные люди. Не один-два, как показывают в фильмах про блокаду, а десятки везли саночки с умершими. В

начале войны пару раз меня отпускали домой, и из окон нашей квартиры на Невском, 20, я видел, как из Эрмитажа на грузовиках вывозили в эвакуацию рулоны картин. А потом, когда на крыше Строгановского дворца разрывались снаряды, осколки летели в нашу квартиру, и все книги на стеллажах были пробиты и посечены этими осколками. Отец и мать к тому времени уже воевали. А еще раньше я помню черный дым над горящими Бадаевскими складами, помню, как горел Гостиный двор... Мы тогда гасили зажигательные бомбы на крышах и верили, что все это не надолго. Но вышло иначе.

«Петербургский дневник»: Какие черты сформировало в вас это время?

Григорий Ястребенецкий: Если говорить о самой войне, то к ее обыденным тяготам я быстро привык. Спать в снегу, не бояться оглушительных залпов зенитной пушки, не содрогаться, когда под разведенным костром из-под снега вытаивали тела убитых. До сих пор, ложась спать, я привычно складываю свои вещи так, чтобы с закрытыми глазами можно было быстро вскочить и одеться.

Близкие говорят, что я умею в жизни и творчестве «держать удар». Думаю, это тоже одно из военных приобретений. Но самое главное, чему меня научила война, – это ненавидеть войну.

«Петербургский дневник»: Но и помнить ее. Недаром вы не только народный художник РСФСР, но и заслуженный деятель культуры Польши, награжденный престижными премиями европейских государств. Какие живые впечатления воплотились в ваших мемориальных композициях, установленных во многих городах Европы? Есть ли там узнаваемые фигуры?

Григорий Ястребенецкий: Со временем стало ясно, что во всех моих композициях на военную тему присутствует образ молодого солдата, похожий на автора. Причем для меня это не сразу стало очевидным.

Первая моя композиция, созданная еще на первом курсе Академии художеств, куда я поступил после войны, называлась «Солдат, который отогревает котенка». Был такой реальный эпизод. И уж конечно, когда я воевал, то и представить себе не мог, что буду когда-нибудь делать памятники для Германии и обрету там столько друзей. День Победы застал нашу часть в Прибалтике. Не зная о конце войны, я с изумлением увидел, как на территорию части въехал фургон с немецкими номерами, из него выскочили два симпатичных немца в синих комбинезонах, которые знаками стали спрашивать, где можно набрать воды. Я им показал по карте дорогу, а потом испугался, не разгласил ли я военную тайну. Это была моя первая встреча с живыми немцами: прежде я видел только убитых. К счастью, тяжелые впечатления блокады и войны меня не ожесточили. Родные и знакомые находят мой характер вполне сносным. Видимо, этому способствует любимая работа, которая остается главной жизненной потребностью.

«Петербургский дневник»: Говорят, что часто вы работаете совершенно бесплатно.

Григорий Ястребенецкий: Это правда. Но работа мне всегда в удовольствие.

«Петербургский дневник»: Тут вы похожи на своего соседа и давнего друга Даниила Александровича Гранина, которому неловко выслушивать слова благодарности за написанные им книги.

Григорий Ястребенецкий: Да, я много раз лепил его портрет. После возвращения Гранина из Австралии я шутки ради изобразил его в виде

кенгуру, который раскладывался как матрешка. Это удивительная личность и замечательный писатель. Только очень честный и мужественный человек мог создать «Блокадную книгу». Она развенчала множество мифов.

«Петербургский дневник»: Вы ведь создали более 250 портретов людей искусства и известных политиков, многие из которых были вашими друзьями. Кто сейчас на очереди?

Григорий Ястребенецкий: Мои последние работы – это скульптурные портреты вице-президента Академии наук Некипелова и философа Степина для галереи почетных докторов в Университете культуры. А сейчас готовлю трехчастную композицию с условным названием «Война и плен» для академической выставки, которая по традиции каждый год проходит в Москве. А когда работа вернется в город, ее увидят петербуржцы.

К тому же я в свободное время стал писать: выпустил в прошлом году книгу воспоминаний «Нас осталось мало» – про войну, про блокаду и послевоенную жизнь. А сейчас пишу нечто вроде исповеди старого скульптора – еще не знаю, что из этого выйдет.

«Петербургский дневник»: Где вас застала весть о снятии блокады?

Григорий Ястребенецкий: Мы тогда сидели в землянках на берегу Невы под Шлиссельбургом. Оттуда и начался наш поход на Запад. А немцы – вероятно, прослышав о нашем наступлении, – ушли, и мы почти беспрепятственно дошли до самого Кингисеппа.

«Петербургский дневник»: Вы отмечаете блокадные даты?

Григорий Ястребенецкий: Меня иногда приглашают выступать в эти дни с воспоминаниями, но, честно говоря, это было такое тяжелое время, о котором хочется забыть. Но жизнь и ответственность перед новым поколением мне этого не позволяют.